

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

Ашик-Кериб

ДЕТГИЗ

1 9 4 7

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

Л-49

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Ашик-Кериб

Р и с у н к и
А. МОГИЛЕВСКОГО

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1947 Ленинград

МНОГОЛЪКА БЪЛГАРСКА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ И УЧЕБНИТЕ КНИЖОВНИЦИ

М. И. КЕРМОНТОВ

авно́ тому́ наза́д, в го́роде Тифли́се, жил оди́н бога́тый ту́рок. Много́ Алла́х дал ему́ зо́лота; но доро́же зо́лота бы́ла ему́ еди́нственная дочь, Магу́ль-Меге́ри. Хороши́ звёзды на небеси́, но за звёздами живу́т а́нгелы, и они́ ещё лу́чше; так и Магу́ль-Меге́ри бы́ла лу́чше всех де́вушек Тифли́са. Был та́кже в Тифли́се бе́дный Аши́к-Кери́б. Проро́к не дал ему́ ниче́го, кро́ме вы́сокого се́рдца¹ и да́ра пе́сен; игра́я на са́азе (балала́йка) и

¹ Вы́сокого се́рдца (вы́сокое се́рдце) — до́брого се́рдца.

прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых. На одной свадьбе он увидал Магиль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить её руку¹, и он стал грустен, как зимнее небо.

Вот, раз он лежал в саду под виноградником и наконец заснул. В это время шла мимо Магиль-Мегери с своими подружками, и одна из них, увидав спящего ашика (балалаечника), отстала и подошла к нему. „Что ты спишь под виноградником, запела она, вставай, безумный, твоё газель² идёт мимо“. Он проснулся, девушка порхнула прочь, как птичка. Магиль-Мегери слышала её песню и стала её бранить. „Если б ты знала, отвечала та, кому я пела эту песню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик-Кериб“. — Веди меня к нему, сказала Магиль-Мегери, и они пошли. — Увидав его печальное лицо, Магиль-Мегери стала его спрашивать и утешать. — „Как мне не грустить, отвечал Ашик-Кериб, — я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею“. — „Проси мою руку у отца моего, говорила она, и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоём достанет“. —

---

¹ Получить её руку — взять её замуж.

² Газель — животное из породы оленей, отличающееся особой красотой. Здесь: прекрасная.

„Хорошо́, отвеча́л он, положи́м, Ая́к-Ага́ ниче́го не пожа́леет для сво́ей до́чери; но кто зна́ет, что по́сле ты не бу́дешь меня́ упрека́ть' в том, что я ниче́го не имёл и тебе́ всем обяза́н. Нет, ми́лая Магу́ль-Меге́ри, я положи́л зарóк на свою́ ду́шу': обеща́юся семь лет stráнствовать по свéту и нажи́ть себе́ бога́тство ли́бо поги́бнуть в да́льных пусты́нях; е́сли ты согла́сна на э́то, то по истече́нии сро́ка бу́дешь моёю“. — Она́ согла́силась, но прибáвила, что е́сли в назна́ченный день он не верне́тся, то она́ сде́лается жено́ю Куршуд-бе́ка, кото́рый да́вно уже́ за неё сва́тается.

Прише́л Аши́к-Кери́б к сво́ей ма́тери; взял на до́рогу её́ благослове́ние³, поцелова́л ма́ленькую сестру́, повеси́л че́рез плечо́ су́мку, оперся́ на по́сох stráнничий⁴ и вы́шел из го́рода Тифли́са. — И вот догоня́ет его́ вса́дник; он смóтрит: э́то Куршуд-бек. — „До́брый путь! крича́л ему́ бек, куда́ бы ты ни шёл, stráнник, я твой това́рищ“. Не рад был Аши́к сво́ему́ това́рищу, но не́чего де́лать. До́лго они́ шли вме́сте, наконéц за́видели пе́ред собо́ю ре́ку. Ни мо́ста, ни бро́да⁵. „Плыви́ вперед, сказа́л Куршуд-бек,

---

¹ Упрека́ть — выража́ть недово́льство.

² Положи́л зарóк на́ душу — дал кля́тву, обеща́л.

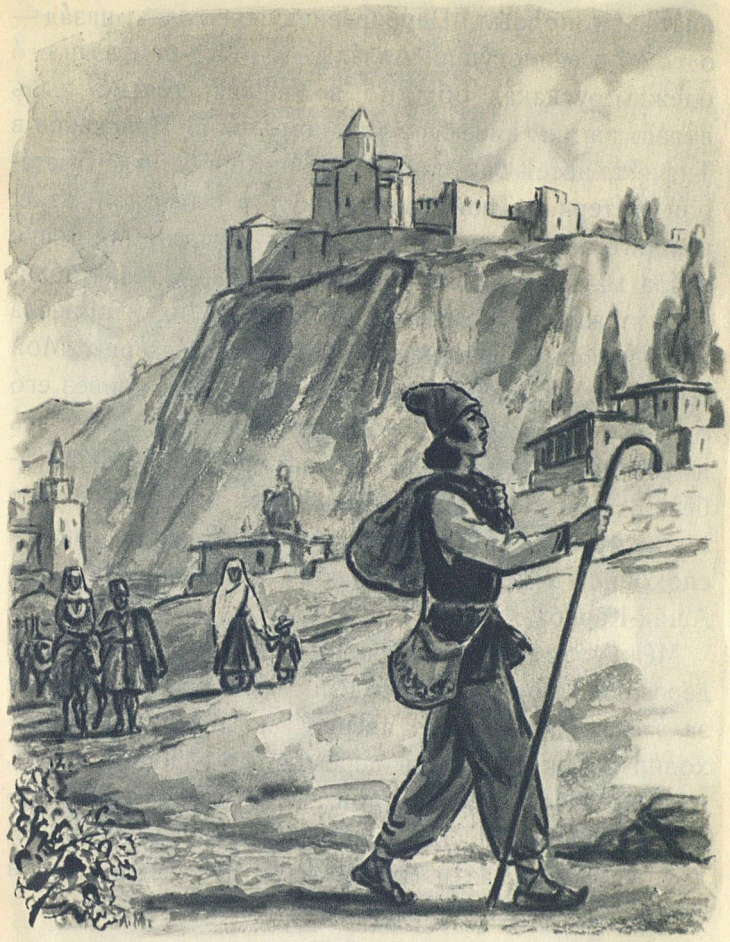
³ Благослове́ние — разреше́ние.

⁴ По́сох stráнничий — палка, на кото́рую опира́ется stráнник.

⁵ Ни бро́да (брод) — ни ме́лкого ме́ста, где мо́жно пере́йти ре́ку.

взгляды людей иша "орудия" одобрены
—

Всё это (как и в самом) — картина

я за тобою последую". Аши́к сбросил ве́рхнее пла́тье и поплы́л. Перепра́вившись, глядь наза́д — о го́ре! о всемогу́щий Алла́х! — Куршуд-бек, взяв его́ оде́жды, ускака́л обрат́но в Тифли́с; то́лько пыль вила́сь за ним змеёю по гла́дкому по́лю. Прискака́в в Тифли́с, несёт бек пла́тье Аши́к-Кери́ба к его́ ста́рой ма́тери. „Твой сын утону́л в глубо́кой реке́, говорит он, вот его́ оде́жда“. В невырази́мой тоске упала́ мать на оде́жды любимо́го сы́на и ста́ла облива́ть их жа́ркими слеза́ми; пото́м взяла́ их и понесла́ к наречённóй невестке своёй, Магу́ль-Мегери́. „Мой сын утону́л, сказа́ла она́ ей, Куршуд-бек привёз его́ оде́жды; ты свобóдна“. — Магу́ль-Мегери́ улыбу́лась и отвеча́ла: — Не верь, э́то всё выдумки Куршуд-бе́ка; пре́жде истече́ния семи́ лет никто́ не бу́дет мо́им му́жем. — Она́ взяла́ со стéны свою́ са́аз и споко́йно нача́ла петь любимо́ую пе́сню бе́дного Аши́к-Кери́ба.

Ме́жду тем стра́нник пришёл бос и наг¹ в одну́ дере́вню. Дóбрые лю́ди одели́ его́ и накорми́ли; он за э́то пел им чу́дные пе́сни. Таки́м о́бразом переходи́л он из дере́вни в дере́вню, из го́рода в го́род, и сла́ва его́ разнесла́сь повсю́ду. Прибы́л он наконéц в Хала́ф. По обыкнове́нию, взошёл в кофе́йный дом, спроси́л са́аз и стал петь. В э́то вре́мя жил в

---

¹ Бос и наг (босой и нагой) — раздетый.

А. М.

Халáфе пашá¹, большо́й охóтник до пёсенников. Мно́гих к нему́ приводи́ли — ни оди́н ему́ не понра́вился. Его́ ча́уши² изму́чили, бе́гая по го́роду. Вдруг, проходя́ мимо кофёйного до́ма, слы́шат уди́вательный го́лос. О́ни туда́. „Иди́ с на́ми к вели́кому паше́, закрича́ли о́ни, и́ли ты отвеча́ешь нам голово́ю“.— Я челове́к во́льный, стра́нник из го́рода Тифли́са, говори́т Аши́к-Кери́б; хочú — пойдú, хочú — нет; пою́, когда́ придет́ся, — и ваш пашá мне не нача́льник. — Одна́ко, несмотря́ на то, его́ схвати́ли и привели́ к паше́. „Пой“, сказа́л пашá, — и он запёл. И в э́той пёсне он сла́вил свою́ доро́гую Магу́ль-Меге́ри, и э́та пёсня так понра́вилась го́рдому паше́, что он оста́вил у себя́ бе́дного Аши́к-Кери́ба. Посы́палось к нему́ серебро́ и зо́лото, заблιστάли на нём бога́тые оде́жды. Сча́стливо и ве́село стал жить Аши́к-Кери́б и сде́лался о́чень бога́т. Забы́л он свою́ Магу́ль-Меге́ри и́ли нет, не зна́ю, то́лько срок истека́л³. После́дний год ско́ро до́лжен был ко́нчиться, а он и не гото́вился к отъезду. Прекра́сная Магу́ль-Меге́ри ста́ла отча́иваться⁴. В то вре́мя отпра́влялся оди́н купе́ц с карава́ном из Тифли́са с сорока́ верблю́дами и 80-ю нево́льниками. Призыва́ет она́ купца́ к себе́ и

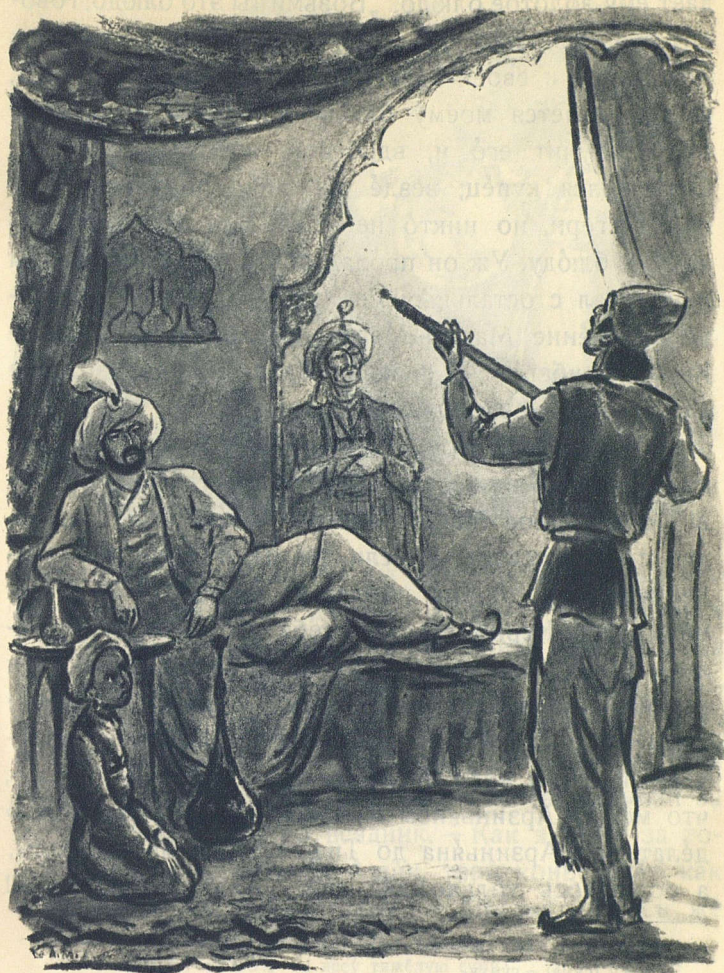
---

¹ Пашá — здесь: нача́льник.

² Ча́уши — слúги, гонцы́.

³ Срок истека́л — срок конча́лся.

⁴ Отча́иваться — теря́ть всякую наде́жду.

даёт ему золотое блюдо. „Возьми ты это блюдо, говорит она, и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признаётся моему блюду хозяином и докажет это, получит его и, вдобавок, вес его золотом“. Отправился купец; везде исполнял поручение Магиль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф. Объявил он везде поручение Магиль-Мегери. Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай и видит золотое блюдо в лавке тифлисского купца. „Это моё!“ сказал он, схватив его рукою. — Точно, твоё, сказал купец: я узнал тебя, Ашик-Кериб. Ступай же скорее в Тифлис: твоя Магиль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она выйдет за другого. — В отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только три дня до рокового часа¹. Однако он сел на коня, взял с собою суму² с золотыми монетами — и поскакал, не жалёя коня. Наконёц, измученный бегун упал бездыханный на Арзинган горе, что между Арзиньяном и Арзерумом. Что ему было делать: от Арзиньяна до Тифлиса два месяца езды, а оставалось только два дня. „Аллах всемогущий!

¹ Рокового часа (роковой час) — решающего часа.

² Суму (сума) — сумку.

воскликнул он, ёсли ты уж мне не помóжешь, то мне нёчего на землѣ дѣлать!" И хóчет он брóситься с высóкого утёса. Вдруг вѣдит внизу челóвѣка на бѣлом конѣ и слышит грóмкий гóлос: „Оглán (юноша), что ты хóчешь дѣлать?“ — Хóчú умерѣть, отвѣчал Ашѣк. — „Слезáй же сюдá; ёсли так, я тебя убью“. Ашѣк спустился кóе-как с утёса. „Ступáй за мною“, сказáл грóзно всáдник. — Как я могу за тобою слѣдовать, отвѣчал Ашѣк, твой конь летит, как вѣтер, а я отягощён сумóю¹. — „Правда; повѣсь же

¹ Я отягощён сумóю — я несú тяжёлую суму.

суму свою на седло моё и слéдуи“. Отста́л Аши́к-Кери́б, как ни стара́лся бежа́ть. „Что ж ты отстаёшь“, спроси́л вса́дник. — Как же я могу́ слéдовать за тобо́ю, твой конь быстрее́ мы́сли, а я уж изму́чен. — „Пра́вда; сади́сь же сза́ди на коня́ моего́ и говори́ всю пра́вду: куда́ тебе́ ну́жно е́хать?“ — Хотя́ бы в Арзеру́м поспе́ть ны́нче, отвеча́л Аши́к. — „Закро́й же глаза́“. Он закры́л. „Тепе́рь откróй“. — Смо́трит Аши́к: пе́ред ним беле́ют сте́ны и блещу́т минаре́ты¹ Арзеру́ма. — Виновáт, Ага́², сказа́л Аши́к, я оши́бся; я хоте́л сказа́ть, что мне на́до в Карс. — „То́-то же, отвеча́л вса́дник, я предупреди́л тебя́, чтоб ты говори́л мне су́щую пра́вду: закры́й же о́пять глаза́. Тепе́рь откróй“. — Аши́к себе́ не ве́рит, то, что э́то Карс. Он упáл на колéни и сказа́л: — Виновáт, Ага́, три́жды виновáт твой слуга́ Аши́к-Кери́б; но ты сам зна́ешь, что е́сли челове́к реши́лся лгать с утра́, то до́лжен лгать до конца́ дня: мне по-настояще́му на́до в Тифли́с. — „Экой ты неверный! сказа́л сердито́ вса́дник; но, не́чего де́лать, проща́ю тебе́. Закро́й же глаза́. Тепе́рь откróй“, прибáвил он по проше́ствию мину́ты. — Аши́к вскри́кнул от ра́дости: о́ни бы́ли у ворóт Тифли́са. Принеси́ и́скреннюю свою́ благода́рность и взяв свою́ суму́ с седла́, Аши́к-Кери́б сказа́л

¹ Минаре́ты — ба́шни мечети, мусульманской це́кви.

² Ага́ — господин.

всаднику: — Ага, конечно, благодеяние¹ твоё велико, но сделай ещё больше; если я теперь буду рассказывать, что в один день поспёл из Арзиньяна в Тифлис, мне никто не поверит: дай мне какбе-нибудь доказательство. — „Наклонись, сказал тот, улынувшись, и возьми из-под копыта коня комок земли и положи себе за пазуху; и тогда, если не станут верить истине слов твоих², то вели к себе привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза — и она увидит“. Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня; но только он поднял голову — всадник и конь исчезли. Тогда он убедился в душе, что его покровитель³ был не кто иной, как Хадерилиаз (св. Георгий).

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой. Стучит он в двери дрожащею рукою, говоря: „Ана, ана (мать), отвори! я божий гость, и холоден, и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына,пусти меня“. Слабый голос старухи отвечал ему: „Для ночлега путников есть дома богатых и сильных; есть теперь в городе свадьбы, ступай туда! там можешь провести ночь в удовольствии“. — „Ана, отвечал он, я здесь никого знакомых не имею

---

¹ Благодеяние — доброе дело.

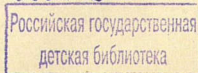
² Истине слов твоих — правды слов твоих.

³ Покровитель — защитник, заступник.

и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сына,пусти меня!" Тогда сестра его говорит матери: „Мать, я встану и отворю ему двери“. — Негодная! отвечала старуха; ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слёз потеряла зрение. — Но дочь, не внимая её упрёкам, встала, отперла двери ипустила Ашик-Кериба. Сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться. И видит он, на стене висит в пыльном чехле² его сладкозвучная сааз, и стал он спрашивать у матери: „Что висит у тебя на стене?“ — Любопытный ты гость, отвечала она, будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с богом. — „Я уж сказал тебе, возразил он, что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене?“ — Это сааз, сааз, отвечала старуха сердито, не веря ему. — „А что значит сааз?“ — Сааз то значит, что на ней играют и поют песни. — И просит Ашик-Кериб, чтоб она позволила сестре снять сааз и показать ему. — Нельзя, отвечала старуха; это сааз моего несчастного сына; вот уже семь лет она висит на стене, и

¹ Не внимая — не слушаая.

² В чехле (чехол) — в мешке, который предохраняет вещь от повреждений, порчи.

ничья живая рука до неё не дотрôгивалась. — Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему. Тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: „О всемогущий Аллах! если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней!“ — И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: „Я бедный Кериб (странник)—и слова мои бедны; но великий Хадерилиаз помог мне спуститься с крутого утёса, хотя я беден и бедны слова мои. Узнай меня, мать, своего странника“. После этого мать его зарыдала и спрашивает его: — Как тебя зовут? — „Рашид“ (простодушный), отвечал он. — Раз говори, другой раз слушай, Рашид, сказала она; своими речами ты изрезал сердце моё в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели; — я вот уж семь лет, как ослéпла от слёз; скажи мне ты, который имеешь его гóлос, когда мой сын придёт? — И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрáсно он называл себя её сыном, но она не верила. И спустя нéсколько времени просит он: „Позвольте, матушка, взять сааз и итти; я слышал, здесь близко есть свáдьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и всё, что получу, принесу сюда и разделю с вами“. — Не позволю, отвечала старуха; с тех пор,

A.M.

как нет моего сына, его сааз не выходила из дому.— Но он стал клясться¹, что не повредит ни одной струны.— А если хоть одна струна порвется, продолжал Ашик, то отвечаю моим имуществом.— Старуха ощупала его сумы и, узнав, что они наполнены монетами, отпустила его. Проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магиль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршуд-бека. Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магиль-Мегери, сидя за богатою чапрой (занавесом) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека. И слышит она из-за чапры, что пришёл незнакомец, который говорил: „Селям алейкум! вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами; и за то я спою вам песню“. — Почему же нет, сказал Куршуд-бек. Сюда должны быть впускаемы песенники и плясуны, потому что здесь свадьба; — спой же что-нибудь, Ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота.

Тогда Куршуд-бек спросил его: — А как тебя зовут, путник? — „Шинди-герурсез (скоро узнаете)“.

---

¹ Стал клясться — стал уверять, давать клятву.

— Что это за имя! воскликнул тот со смехом; я в первый раз такое слышу. — „Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать: сына или дочь бог ей дал; им отвечали — шинди-гёрурсез (скоро узнаете). И вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя“. — После этого он взял сааз и начал петь:

„В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в три дня“.

Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: — Ты лжешь! как можно из Халафа приехать сюда в три дня?

„За что ж ты меня хочешь убить, сказал Ашик: певцы обыкновенно со всех четырех сторон собираются в одно место; и я с вас ничего не беру; верьте мне или не верьте“.

— Пускай продолжает, — сказал жених, и Ашик-Кериб запел снова:

„Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз — в городе Арзеруме; перед захождением солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз — в Тифлисе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня; он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелье, из ущелья на гору: Мевлян (господь наш) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магиль-Мегери“.

Тогда Магúль-Мегэри, узнав его гóлос, брóсила яд в одну стóрону, а кинжál в другуúю. — Так-то ты сдержáла свою клятву, сказа́ли её подру́ги; ста́ло быть, сегóдня но́чью ты будешь жено́ю Куршúд-бе́ка? — „Вы не узна́ли, а я узна́ла мýлый мне гóлос“, отвечáла Магúль-Мегэри, и, взяв но́жницы, она́ прорéзала чапру́. Когда́ же посмотрела́ и то́чно узна́ла своего́ Аши́к-Кери́ба, то вскри́кнула, брóсилась к нему́ на шею, и óба упáли без чувств. Брат Куршúд-бе́ка брóсился на них с кинжálлом, намеревáясь заколо́ть обо́их, но Куршúд-бек остано́вил его́, примо́лвив: „Успоко́йся и знай: что напи́сано у челове́ка на лбу при его́ рождéнии, того́ он не мину́ет“¹.

Придя́ в чу́вство, Магúль-Мегэри покрасне́ла от стыда́, закры́ла лицо́ руко́ю и спря́талась за чапру́.

„Теперь то́чно видно, что ты Аши́к-Кери́б, сказа́л жени́х; но пове́дай, как же ты мог в такое́ корóткое вре́мя проехáть такое́ вели́кое простран́ство?“ — В доказáтельство и́стины, отвечáл аши́к, са́бля моя́ переру́бит ка́мень; е́сли же я лгу, то да бу́дет шея́ моя́ то́ньше во́лоса. Но лу́чше всего́, приведите́ мне слепу́ю, кото́рая бы семь лет ужé не вида́ла свéту бо́жьего, и я возвра́щу ей зрéние. — Сестра́ Аши́к-Кери́ба, сто́я в сенях у двéри и услы́шав такую́ речь, побежа́ла к ма́тери. „Ма́тушка! закрича́ла она́,

---

¹ Того́ он не мину́ет (не миновáть) — от того́ он не изба́вится.

это точно брат, и точно твой сын Аши́к-Кери́б“, и, взяв стару́ху под-руку, привела́ её на пир сва́дебный. Тогда́ Аши́к взял комо́к земли́ из-за па́зухи, развёл его́ водо́ю и нама́зал ма́тери глаза́, примо́лвив: „Зна́йте все лю́ди, как могу́щ и вели́к Хадерили-а́з“, — и мать его́ прозрела¹. По́сле того́ никто́ не смел сомнева́ться в и́стине слов его́, и Куршуд-бек уступил ему́ безмо́лвно прекра́сную Магу́ль-Меге́ри.

Тогда́ в ра́дости Аши́к-Кери́б сказа́л ему́: „Послу́шай, Куршуд-бек, я тебя́ утешу! Сестра́ моя́ не ху́же твоёй пре́жней невесты́; я бога́т, у ней бу́дет не ме́ньше серебра́ и зо́лота; ита́к, возьми́ её за себя́ — и бу́дьте так же сча́сливы, как я с моёй доро́гою Магу́ль-Меге́ри“.

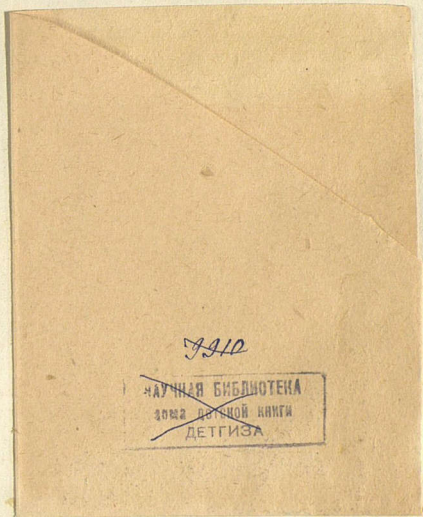
---

¹ Прозрела (прозреть) — ста́ла ви́деть, изба́вилась от слепоты́.

Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР просит учителей нерусских школ сообщить свои отзывы о данной книге по адресу: Москва, Малый Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Ответственный редактор Г. Каримова. Художественный редактор Б. Дектарев. Технические редакторы М. Годубева и В. Артамонов. Корректоры Е. Балабан и А. Вранич. Подписано к печати 11/IV 1947 г. 3¼ п. л. (2,3 уч.-изд. л.). Тираж 30 000 экз. А03360. Заказ 75 245.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушевский вал, 49.

100-

Цена 1 р. 40 к.

10